Вера Шарп

Босс

Я адвокат твоей бывшей!

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Вера Шарп

Босс. Я адвокат твоей бывшей!

«Автор»
2026

Шарп В.

Босс. Я адвокат твоей бывшей! / В. Шарп — «Автор», 2026

Накануне самого громкого развода года я позволила себе одну ночь с незнакомцем из бара на шестьдесят втором этаже. Без имён, без телефонов и без завтра.Утром он вошёл в зал суда. Демид Громов, муж моей клиентки, которого я до этого ни разу не видела в лицо.Я всё равно выиграла. Отсудила его жене половину всего, что у него было, и выставила его на весь город тираном.Через месяц он купил мою фирму.Теперь у него есть запись с камер того отеля и контракт, по которому я полгода должна быть рядом с ним днём и ночью.А у меня есть одно правило: та ночь не повторится. Никогда.

© Шарп В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 8
Глава 3 11
Г 14
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Вера Шарп
Босс. Я адвокат твоей бывшей!

Глава 1

Варя

Он входит в зал, и я узнаю его по родинке на шее, которую целовала шесть часов назад.

Сначала я вижу только её — маленькую тёмную точку над белым воротником рубашки, чуть ниже уха. Потом всё остальное: тёмно-синий костюм, который сидит на широких плечах так, как сидят только вещи, сшитые по меркам, серый галстук, гладко выбритый подбородок и седину на висках, при дневном свете куда более заметную, чем в баре. Он идёт по проходу между скамьями неторопливо, и три его юриста в одинаковых серых костюмах расступаются перед ним, как перед начальством, которое приехало без предупреждения.

Это Демид Громов, ответчик по моему делу, человек-бетон, которого за полгода процесса я ни разу не видела в лицо. Зато ночью я разглядела его во всех подробностях.

— Варвара Андреевна, — шепчет у меня за спиной Соня, — это что, он? Он же никогда не приходит.

Я не отвечаю, потому что не могу. Воздух застревает где-то между горлом и грудью, и протолкнуть его дальше не получается.

Тело реагирует раньше головы, и реагирует совсем не так, как положено юристу за пять минут до заседания. Я вспоминаю его ладонь у себя на шее в лифте и тяжесть, с которой он вжимал меня в матрас. На внутренней стороне бедра у меня до сих пор ноют следы его пальцев, и сейчас, под строгой серой юбкой, они вдруг начинают гореть.

Юбка, кстати, та самая. Домой я не успела: приняла душ в офисе, надела новые колготки из запаса в ящике стола, а блузку привезла Соня — свою, на размер меньше моей. Пуговицы на груди держатся из последних сил, и я стараюсь не дышать глубоко.

Соне двадцать шесть, у неё рыжие кудри, которые не помещаются ни в одну заколку, и сегодня она примчалась в суд к восьми утра с блузкой в пакете из «Азбуки вкуса» и сотней вопросов, которые я запретила ей задавать. Пока что она держится, и это стоит ей видимых усилий.

Я сжимаю под столом колени и смотрю в свои бумаги.

Раздел имущества: сорок три пункта описи, два загородных дома, доля в строительной компании, машины, картины и одна спорная норка. Я знаю это дело наизусть и могу рассказать его во сне, но сейчас буквы расплываются, и я не могу прочитать даже собственную фамилию в шапке документа.

— Пришёл всё-таки, — шипит слева Кристина и впивается мне в запястье ногтями. — Гад.

Моя клиентка сегодня в соболях. Норку я ей запретила, и она нашла выход: длинная шуба цвета тёмного мёда, купленная, как она клянётся, ещё до брака, бриллианты в ушах, сапоги на шпильке и светлая укладка, на которую ушло часа два. Кристина красива той дорогой, отшлифованной красотой, которую в Москве можно купить, если знать нужные адреса, и мужа она ненавидит так громко, что слышно в коридоре.

Ещё десять минут назад я была уверена, что выиграю это дело. Теперь я думаю только об одном: он знал.

Он знал, кто я, когда сел рядом со мной в том баре и когда вёл меня к лифту. Человек, который полгода присылает в суд трёх юристов, вдруг сам приходит на последнее заседание,

а накануне вечером совершенно случайно оказывается на соседнем стуле с адвокатом своей жены. В такие случайности я перестала верить ещё на втором курсе юрфака.

Я мысленно листаю все кодексы, какие помню, и ни в одном не нахожу статьи «переспала с ответчиком накануне заседания». Зато отлично представляю, как это будет звучать в новостях.

Он садится за стол ответчика, прямо напротив меня через проход. Расстёгивает пиджак, кладёт на стол руки, — те самые широкие ладони с жёсткими мозолями, — и только тогда поднимает на меня глаза.

Серые и совершенно спокойные. В них нет ни удивления, ни узнавания, и смотрит он на меня так же, как вчера в первую минуту в баре, — как на чертёж, который ещё предстоит проверить.

Я выдерживаю этот взгляд, потому что держать лицо — первое, чему учит суд.

У двери, на последнюю скамью, садится ещё один человек из его свиты: огромный, коротко стриженный, с тёмной бородой и лицом, на котором невозможно ничего прочитать. Он сидит, сложив руки на груди, и Соня у меня за спиной вдруг замолкает на полуслове.

— А это кто такой? — спрашивает она совсем другим голосом.

— Соня.

— Молчу. Я просто спросила.

Секретарь судебного заседания, худенькая девушка в огромных очках, обходит зал и сверяет паспорта и доверенности со своим списком. Возле его стола она задерживается дольше обычного — то ли из-за трёх доверенностей сразу, то ли потому, что на такого мужчину трудно не засмотреться.

— Громов Демид Александрович, ответчик, — читает она вполголоса. — Явился лично.

Потом подходит ко мне и берёт мой паспорт.

— Лисицына Варвара Андреевна, представитель истца по доверенности.

Он поднимает голову. Впервые за всё это время в его лице что-то меняется, совсем чуть-чуть, и он смотрит на меня так, будто пробует моё имя на вкус. «Без имён», — сказала я ему ночью. Теперь у него есть моё имя, у меня есть его, и ни одному из нас от этого не легче.

— Встать, суд идёт!

Судья Белых входит, шурша мантией, и зал поднимается. Ей за пятьдесят, у неё очки на цепочке и взгляд, казалось, повидавший в этом зале всякое, но на прошлом заседании от суммы иска у неё дёрнулся глаз.

— Прошу садиться. Судебное заседание объявляется открытым. Слушается гражданское дело по иску Громовой Кристины Олеговны к Громову Демиду Александровичу о разделе совместно нажитого имущества.

Секретарь докладывает о явке. Судья сверяется с бумагами, оглядывает зал поверх очков и задерживает взгляд на нём. Похоже, личное появление ответчика удивило даже её.

— Отводы суду есть? Ответчик?

Он поднимается.

— Нет, уважаемый суд.

Его голос звучит в тишине зала низко и ровно, и у меня от этого голоса по спине прокатывается дрожь. Несколько часов назад этот голос говорил мне на ухо совсем другие слова.

— Представитель истца?

Я встаю.

— Отводов нет, уважаемый суд, — отвечаю я и сама удивляюсь, что голос пока слушается.

— Ходатайства у сторон имеются?

В эту секунду он опускает руку в карман пиджака, достаёт что-то маленькое и кладёт на стол перед собой, в полосу света из окна.

Белую пуговицу с перламутровым отливом. Ту самую, которую я полминуты искала сегодня утром на ковре в его номере.

Ходатайство у меня есть. Прошу объявить перерыв, удалить ответчика из зала и стереть мне из памяти последние двенадцать часов.

— Представитель истца? — повторяет судья.

— Нет, уважаемый суд, — говорю я вслух.

И впервые в жизни слышу, как в суде дрожит мой голос.

Глава 2

Варя

Накануне. 23:17

Есть два способа пережить ночь перед заседанием, от которого зависит твоя карьера.

Первый — сидеть в офисе до трёх часов ночи, в сотый раз перечитывать позицию по делу и пить кофе с тремя ложками сахара, пока сердце не начнёт стучать где-то в горле. Второй — подняться на шестьдесят второй этаж, в бар, где один коктейль стоит как мой первый костюм, и заказать виски.

Первым способом я пользуюсь всю свою карьеру. Сегодня впервые пробую второй.

— Двойной, без льда, — говорю я бармену, и он смотрит на меня то ли с уважением, то ли с жалостью. В здешнем полумраке не разобрать.

Бар занимает весь угол этажа: стойка из чёрного мрамора, низкие лампы над ней, тёмное дерево, кожаные кресла, в которых тонешь по самые плечи, и где-то в глубине зала пианист негромко играет что-то джазовое. За панорамным стеклом лежит вся Москва. Огни внизу дрожат за мокрым снегом, а башни Сити вокруг светятся, как новогодние ёлки, на которые не хватило гирлянд. Красиво, но сегодня мне не до красоты.

Завтра в десять утра — последнее заседание по делу Громовых. Брак расторгнут ещё весной, а раздел имущества тянется полгода, и сумма в иске такая, что на прошлом заседании у судьи дёрнулся глаз. Моя клиентка, Кристина Громова, звонила мне сегодня шесть раз, и в последний — чтобы спросить, можно ли прийти в суд в норке.

Можно, Кристина, только не в той, которую юристы твоего бывшего мужа требуют признать предметом роскоши. Её мы пока делим.

Самого бывшего мужа я ни разу не видела. Демид Громов на заседания не ходит и присылает вместо себя юристов — троих, в одинаковых серых костюмах и с одинаковыми лицами. В сети о нём только цифры и одна фотография десятилетней давности: борода, тяжёлый взгляд и лишние килограммов двадцать. Человек-скала, человек-бетон.

Завтра я сделаю из этого бетона щебень.

Виски обжигает горло, и плечи впервые за неделю опускаются хотя бы на сантиметр.

— Ты так пьёшь, будто кого-то хоронишь.

Голос низкий и спокойный, и раздаётся он слева, где минуту назад стоял пустой стул. Я не поворачиваюсь сразу: девять лет в судах приучили меня сначала слушать и только потом смотреть.

— Не хороню, — говорю я. — Готовлюсь.

— К чему?

— К казни.

— Своей?

Теперь я поворачиваюсь, и, кажется, зря.

Он сидит вполоборота, облокотившись на стойку. На нём тёмный свитер с высоким горлом, рукава подняты до локтей, и предплечья человека, который в жизни держал в руках вещи потяжелее ручки. Лет под сорок, короткие тёмные волосы, на висках, кажется, седина, гладко выбритый подбородок и жёсткий рот. Глаза серые, холодные и очень внимательные, и смотрит он на меня так, как инженер смотрит на чертёж, — проверяя, где у этой конструкции несущие стены.

На шее, чуть ниже уха, у него маленькая тёмная родинка, и почему-то из всего этого я замечаю именно её.

— Чужой, — отвечаю я. — Я по чужим казням специалист.

Он приподнимает бровь.

— Палач?

— Хуже. Юрист.

Уголок его рта едва заметно дёргается, и у меня от этой почти-улыбки теплеет под рёбрами. Виски тут точно ни при чём.

— А вы? Тоже кого-то хороните?

— «Ты», — поправляет он. — После второго виски здесь все на «ты».

— Это первый.

— Значит, будет второй.

— Хорошо, — сдаюсь я. — А ты? Тоже кого-то хоронишь?

— Себя. Частично. — Он поднимает стакан. — Завтра у меня отберут половину жизни.

— Всего половину? Оптимист.

— Реалист. Вторую я им не отдам.

Кому «им», он не уточняет. Я не спрашиваю: у каждого в этом баре своя война, и за чужой я сюда не приходила.

Профессиональная деформация: у мужчин я первым делом смотрю на безымянный палец и только потом на всё остальное. Кольца у него нет, но на коже осталась светлая полоска — след от кольца, которое носили много лет и сняли совсем недавно. Разводится или врёт жене — сегодня мне это всё равно.

Бармен ставит передо мной второй виски, который я не заказывала.

— От господина, — сообщает он и растворяется в полумраке.

— Это лишнее, — говорю я.

— Это виски. Лишним он не бывает.

— Я сама могу за себя заплатить.

— Не сомневаюсь, — его взгляд неторопливо проходит по моему лицу, по шее, по вырезу белой шёлковой блузки и возвращается обратно, без спешки и без всяких извинений. — Ты похожа на женщину, которая всё может сама. И смертельно от этого устала.

Я открываю рот, чтобы ответить что-нибудь острое, и закрываю его. Он попал с первого выстрела, без всякой пристрелки.

Дальше всё складывается само. Он не спрашивает, как меня зовут, и я не спрашиваю его. Мы говорим о Москве, которая ночью красивее, чем заслуживает, и о том, почему в дорогих барах так мало света.

— Чтобы не было видно, как дорого, — говорит он.

Потом о его работе.

— Строю.

— Что?

— Всё, что не падает.

И о моей.

— Развожу людей, — говорю я.

— На деньги?

— И на деньги тоже.

Он смеётся по-настоящему, низко, откинув голову, и у меня окончательно пропадает желание думать о завтрашнем дне.

В какой-то момент я ловлю себя на том, что смотрю на его руки: широкие ладони, длинные пальцы, коротко остриженные ногти. Он вертит стакан, а я совершенно некстати думаю о том, как эти пальцы расстёгивали бы пуговицы на моей блузке — неторопливо, одну за другой.

Я очень давно ни о чём таком не думала. Если совсем честно, я очень давно ничего такого и не делала: последним мужчиной в моей постели был бывший муж, который, как потом выяснилось, в те же месяцы успевал бывать ещё в двух.

— О чём ты думаешь? — спрашивает он.

— О том, что это плохая идея.

— Что именно?

Я ставлю стакан на мрамор и поворачиваюсь к нему всем телом, так что мои колени почти касаются его бедра.

У меня есть правило, одно, но железное: я всё контролирую — свои дела, свои деньги, свою жизнь и своё тело. Сегодня мне, кажется, хочется его нарушить.

— Без имён, — говорю я. — Без телефонов. Без завтра.

Он молчит секунду, потом другую, и смотрит на меня так внимательно, будто читает мелкий шрифт в договоре, который я ему подсунула.

Потом встаёт и протягивает мне руку.

— Сорок седьмой этаж.

Я вкладываю пальцы в его ладонь, горячую и сухую, и он сжимает их так, как сжимает руку человек, который не привык, что от него уходят.

Через зал к лифтам мы идём молча. Его ладонь лежит у меня на пояснице, и сквозь тонкий шёлк я чувствую каждый его палец.

И я узнаю, что такое по-настоящему потерять контроль.

Глава 3

Варя

Двери лифта закрываются, а он даже не поворачивается в мою сторону.

Лифт трогается. Он стоит напротив, прислонившись плечом к зеркальной стене, руки в карманах, и смотрит на меня так спокойно, что мне становится не по себе.

Здесь, под ярким светом, я наконец могу его разглядеть. Он выше меня на голову, даже когда я на каблуках. Свитер из тонкого графитового кашемира облегает широкие плечи и грудь, и под ним угадывается тело человека, который проводит в кабинете далеко не всё своё время. На нём тёмные брюки с широким кожаным ремнём, а на запястье — часы на стальном браслете, без камней и блеска, какие носят люди, не нуждающиеся в мишуре для подтверждения статуса. Лицо резкое, с тяжёлой линией челюсти и прямым носом, на висках седина, и только рот у него неожиданно красивый, с чётко очерченной верхней губой. На этот рот я смотрю уже неприлично долго.

В зеркале за его спиной отражаюсь я, и вид у меня такой, будто я шла на совещание и по дороге передумала. Тёмные волосы наполовину выбились из пучка, помада, похоже, осталась на краю стакана, белая шёлковая блузка помялась, а в бежевых лодочках я с восьми утра бегаю по судам.

— Передумала? — спрашивает он.

— Нет, — говорю я, и голос выходит ниже, чем я рассчитывала. — А ты?

— Нет.

— Тогда чего ты ждёшь?

— Когда ты перестанешь командовать.

— Долго придётся ждать.

— Посмотрим.

Он отталкивается от стены, и после одного его шага отступать мне уже некуда. Спиной я чувствую холодное зеркало, а на шее — его ладонь, большую и тёплую. Кожа на ладони жёсткая, с мозолями, эти руки явно созданы были не для перебирания бумажек. Большим пальцем он приподнимает мой подбородок и долго смотрит мне в лицо. Я не отвожу глаз.

Потом он наклоняется и целует меня.

Целует уверенно и глубоко, без всякой осторожности первого раза. Я чувствую вкус виски на его губах, тёплый запах его кожи с чем-то древесным и тяжесть его тела, когда он прижимает меня к стене. Мягкий кашемир сминается у меня в пальцах, и из горла вырывается стон, тихий и совсем неприличный.

Колени слабеют. Жар поднимается от живота к лицу, и где-то в районе тридцатого этажа я напрочь забываю, что такое позиция по делу.

Двери открываются с тихим звоном. Он отстраняется совсем чуть-чуть и говорит мне в губы:

— Дыши. Приехали.

Номер огромный. Свет он не включает, и комнату освещает только Москва за панорамным окном вовсю стену: башни Сити, красные огоньки на крышах, мокрый снег в свете фонарей далеко внизу. В номере пахнет его парфюмом и свежим бельём. На кожаном кресле брошен тёмный пиджак, на столе лежат открытый ноутбук и стопка бумаг, и на верхнем листе синеет круглая печать. Юрист во мне тянется прочитать, что там написано, но я отворачиваюсь к окну. Сегодня это не моё дело.

Он подходит сзади и находит молнию на моей юбке. Тянет её вниз медленно, по одному зубчику, и каждый тихий щелчок отдаётся у меня в животе.

— Ты всегда такой медленный? — выдыхаю я.

— Я никогда не тороплюсь с тем, что мне нравится.

Юбка падает к щиколоткам, и я переступаю через неё. Блузку он расстёгивает так, как я представляла себе внизу, в баре, — по одной пуговице, — и всё это время целует меня в шею, под ухом, потом ниже, у основания плеча. Его дыхание обжигает кожу, он легко прихватывает её зубами, и по спине у меня бегут мурашки.

Шёлк соскальзывает с плеч. Под блузкой на мне красный кружевной лифчик, дорогой и красивый, купленный месяц назад неизвестно зачем, и сейчас я впервые благодарна себе за эту глупость. Он расстёгивает застёжку одним движением, даже не глядя, и я успеваю подумать, что опыт у него, похоже, большой. Потом его ладони накрывают мою грудь, и думать я перестаю.

В тёмном стекле окна я вижу нас обоих: свою белую кожу, его голову у моего плеча и его руки на моей груди. Большие пальцы медленно обводят соски, снова и снова, пока они не твердеют и не становятся такими чувствительными, что от каждого касания у меня сладко тянет внизу живота. Он сжимает их сильнее, я втягиваю воздух сквозь зубы, выгибаюсь, прижимаясь к нему спиной, и чувствую через ткань его брюк, как сильно он меня хочет.

— Видишь? — тихо говорит он. — Тебе идёт молчать.

— Я никогда не молчу.

— Я заметил.

Одна его рука остаётся на груди, а вторая скользит вниз по животу и останавливается на резинке колготок. И тут до меня доходит весь ужас положения.

Колготки. Телесные, сорок ден, из пачки, купленной на скорую руку в переходе у метро, — и сейчас, кроме них и трусиков, на мне больше ничего нет.

— Не смотри, — прошу я.

— Поздно.

Он разворачивает меня к себе лицом и опускается на колени. Капрон трещит у него в руках: он рвёт колготки прямо на мне, сверху вниз, и этот звук я, кажется, буду слышать до пенсии.

— Они стоили целых двести рублей, — говорю я дрожащим голосом с усмешкой.

— Верну.

Трусики он стягивает сам, медленно, глядя на меня снизу вверх, и я чувствую его дыхание там, где только что была ткань. Потом встаёт.

Я стою перед ним голая, а он одет полностью, даже ремень застёгнут. Мне это не нравится, и я тянусь к пряжке.

Он перехватывает оба моих запястья одной рукой и легко заводит мне за спину.

— Нет.

— Почему?

— Ты опять командуешь.

Свободной рукой он гладит меня по животу и ведёт ладонь ниже, между ног. Пальцы проходят по чувствительных складкам один раз, легко и медленно, и я слышу, как он резко выдыхает.

— Ты вся мокрая, — говорит он тихо и серьёзно.

Я хочу что-то ответить, но его пальцы скользят возле самой чувствительной точке и начинают неторопливо двигаться, по кругу, точно там, где нужно, и все слова у меня пропадают. Остаётся только жар, который собирается под его рукой, тяжёлый и тягучий, и мои бёдра, которые сами подаются ему навстречу.

Он медленно вводит в меня один палец, заставляя тело податливо изогнуться, затем добавляет второй и начинает ими мягко двигать, чуть сгибая внутри, безошибочно чувствуя, как именно просит мое желание. Я дышу короткими рваными глотками и сама не узнаю свой голос. Ноги перестают держать, и если бы не его рука у меня за спиной, я бы сползла на ковёр.

— Смотри на меня, — говорит он, когда я закрываю глаза.

Я открываю их. Серые глаза, которые в баре казались мне холодными, сейчас совсем тёмные, зрачки почти во всю радужку, и смотрит он только на меня.

— Это приказ? — спрашиваю я.

— Просьба. Пока что.

Он отпускает мои запястья, и на этот раз я стягиваю с него свитер, а он не мешает. Плечи у него широкие и тяжёлые, на груди тёмные жёсткие волосы, которые узкой полоской уходят вниз, под ремень. Живот твёрдый и рельефный, и когда я кладу на него ладони, он вздрагивает. Я веду руками вверх, по груди к плечам, и чувствую, как под горячей кожей перекатываются мышцы, а на предплечьях проступают вены.

Я обхожу его кругом, и он позволяет, стоит неподвижно и только следит за мной взглядом через плечо. Спина у него широкая, с глубокой ложбинкой вдоль позвоночника, и мышцы на ней двигаются при каждом его вдохе. Я прижимаюсь губами к его лопатке и слышу, как у него сбивается дыхание. Значит, и этого человека можно сбить с ровного шага, и от этой мысли у меня кружится голова сильнее, чем от виски.

Когда я снова оказываюсь перед ним, то замечаю под рёбрами слева старый шрам, длинный и неровный, грубо зашитый. Я веду по нему пальцем, и он перехватывает мою руку.

— Не сегодня.

— Без прошлого?

— Без прошлого.

Он поднимает меня на руки без малейшего усилия и несёт к кровати. Укладывает на прохладное покрывало, а сам остаётся стоять.

Городской свет ложится ему на плечи и грудь, на твёрдый живот и на пряжку ремня, и ниже, под тканью брюк, видно, как сильно он меня хочет. Он и не пытается это скрыть. Он просто смотрит на меня сверху, долго и неторопливо: на лицо, на грудь, на живот, на бёдра. Там, где задерживается его взгляд, у меня горит кожа.

Мне хочется прикрыться, и я тянусь за краем покрывала.

— Не надо, — говорит он. — Я хочу видеть тебя всю.

И опускается на колени у края кровати.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.